

2953

Первый выпуск

1932 г. № 1-12-1932

Под знаком фельетона

Девушки с талиями, тонкими, как папек. (Из фельетона Гур).

«Земля и небо» — повесть биографичная. Ленинградские фельетонисты Туры приносят в театр гротескности, фальсификации и занимательности анекдота. Туры сознательно следуют традициям фельетона. Молодые драматурги трансформируют свои жанры, они театрализируют его, они сценически воплощают прием различной оуффады.

О позиций ленинградской драматургии повесть Туроп — литературная бестактность. Законы драматургии вступают в противоречие с требованиями фельетона. Идейный пафос пьесы возлагается на диалог. Все анекдотично и условно. Герои лишены характеристик. Действие лишено предметности и внутренней связи.

Несущественно, кто произносит очередную остроту: академик Беклемешев или швейцар Цаар. Важно, что острота произнесена.

«Земля и небо» — сумка задушевных острот и комедийных положений. Герои походят на реплишки. Словесный бой и риторические поединки продолжаются все пять картин. У Туроп — избыток эпизодических лиц. Они появляются, отключаются, произносят несколько реплик и исчезают в массе других лиц. Мы ничего не знаем о их судьбе, их характере и их намерениях. Мы знаем только об их красноречии.

Но это — не дураки болтливости и не уютный монолог. Расчужденность драматургов оказывается пьесой предостережения. У них расчужденные эффекты, предугаданы реакции, хронометрированы чувства. Авторы знают свой прием и действуют им безупречно. А прием фельетона расцветает на театре неожиданными красками.

Фельетон — это и лирика, и карикатура, и охотный ушесник, и юмористический волюнтаризм. Туры не брезгают ничем. Они с прописоческой уловкой спрашивают у академиков: — а что такое элегия и нужна ли она пролетариату. с пафосом цитируют «Баухаус» и с романтической юмористичностью называют новую звезду — «Пероника».

Манеру драматурга определяет прием пафосного контрастирования, неожиданных апалогий, несовпадающих параллелей.

«У доушек талии тонкие, как папек». «Вышейте ромку, социальный зл». «Сирис переселен на хворацет».

У бюста Коперника — командрива Цаар. Он не верит в вели-

О ПЬЕСЕ ТУР „ЗЕМЛЯ И НЕБО“

Рис. артиста МХТ 2
А. БЛАГОНРАВА

кого астронома, в «жидкого мужчину». У настоящих мыслителей — борода Маркса и монументальная осанка. Напрасно уверяет фон-Драйен сомкованцев коммандо, что жидкий мужчина открыл закон земного вращения. Доводы не действуют, они не подвизывают и через 12 лет, когда Никита Ершов будет объяснять асудли Коперника какому-то экскурсанту. Тот же Коперник, та же ситуация, те же сомнения, — не тот только Никита Ершов.

В обсерватории экскурсант роиет тонкий астрономический прибор. На языке академик феловком движением обрасслывает французский ключ. Все рядышком, дробится, чередуется. Командирность здесь достигается неопределенностью ситуации. Так прием деметрирует пьесу, возвращает к исходным положениям, контрастирует необычность материала.

Туры любят крылатое словечко и смешанный парадокс. Тут один шаг до анекдота, до легкомысленного и безумного остроумия. Драматурги выливают остроту и никогда не опускаются до бытового зубобальства. Их юмор культурен и оригинально-охранен. Их идейный тонус оутичен в каждом эпизоде: партийности и науке.

Материал драматургов — фельетонно неожиданный, непривычный лонным углом. Действие происходит в обсерватории. Соприкасаются космическое и земное. Звездочет и командир выноса, Коперник и портики, планетарный идеализм буржуазного ученого и рационализм революционного бойца. И главным зал обсерватории расползаются мажорночитательные чексты. Они дерутся за нульковые выскоты, им нет дела до звезд. Астрономом чексты изжуются гунами, безжалостными наравками, странным воплощением земного. Но «рожденные ползат» разматываются к небу. Гуны изучают Андромеду и созвездие Волного Неа. «Горком посылал им «на звезду».

Но существу тема «Земли и неба» — вариант уже знакомых пьес и в первую очередь «Страх». Борьба за науку, за мировоззрение, за опыт, за факты противопоставляет новых партийных ученых. Но это — вариант не «инициал», а художников, видящих мир с одинаковой точки, художников иной аргументации, утверждающих одну идею.

Аргументация Туроп не похожа на педантическую логику афинского философа «Страх». Свою правоту Туры доказывают не силлогизмами, не художественными образами, а гротескомостью положений, гиперболой и анекдотом.

В этом сила и слабость пьесы. Сила — в остроте удара, пародийности сюжета, в

напряженности фельетонного диалога. Слабость — в незавершенности характеристик, в недосказанности мотивировок, в фельетонном импрессионизме, в пристрастии к словечку. Приемами фельетона, даже сценически реконструированного, не так легко раскрыть величие идеи о партийности науки.

Театр почувствовал противоречие между идейным замыслом пьесы и приемам драматургии. Выход тут был только один — в гротескности и в пародийности, но на этот путь постановщик не решился встать. Он предпочел бытовой портрет, бытовую характеристику. Пьеса в ряде эпизодов приобрела жанровый характер.

Готовцев в первом акте, попроси всем особенностям своего дарования, приблизил к образу того традиционного братишки, который стал популярным еще во времена пьес Тренера и Вилья-Белого-перского. Но мастер-актер не мог не почувствовать ошибочность бытовой трактовки роли. Готовцев усложнил и расширил реплики Никиты. Ироничность и строгий юмор согрели образ раннего коммандо, бедняку Коперника.

Таким же раздвоенным чувствуется и в образе секретаря коммандо — Вирама. Здесь уже больше гротескности, больше сознательной пародийности, но Вирама почему-то сдержанно-подлинна. Академик Беклемешев — единственный персонаж, данный драматургами пьесы. Театр никак не выдвинул этой роли. Подгорный играет академика-чудака, «высокородного и досточтимого» академика. Ученый — это стилизованный обсерватор, мечтатель-академик. И здесь надо было найти ироническое и смелое. Но Подгорный совершенно зря драматизирует образ Беклемешева.

Сложность к добротному юмору быту. в жанровым аспектам не могли сбалансировать созданию спектакля — пастельного жемчуга. Действия сохранились на грани фельетона.

Обогащение театральным жанром идет не только от драматургии. Драматург обращается к газете, к кино, к народному эпосу. Нюгодни обогатили театр документальностью очерка и пафосом алободности. И. Зархи — фрагментарностью и многоплановостью эпизодической драмы. Туры пришли в театр под знаком фельетона.

И как ошеломительной драматургической формой спектакль — безусловно положительное явление

А. МАЦКИН

Артист
В. В. Готовцев
в роли
Никиты Ершова

Артист
В. А. Подгорный
в роли проф.
Беклемешева